

J. Stuart Durrant

Имя Дмитрия Владимировича Философова сегодня обычно встречается в беглых примечаниях, скупо характеризующих его термином “беллетрист” — понятием, которое он и сам вплоть до смерти предпочитал использовать для описания своей многосторонней карьеры. Однако ярлык “беллетрист” обладает бесчисленным множеством значений в отношении к Д. В. Философову. Задавшись целью прояснить хотя бы некоторые из них, мы встречаемся с определенными сложностями. Будучи человеком литературы, беллетрист и не писатель в узком смысле этого слова, и не философ, несмотря на то, что немалую толику своего времени он уделяет созданию философских эссе. Он предается поиску исторической истины, но нельзя сказать, что он историк. Беллетристу не чужда и литературная критика, однако и критиком его не назовешь. Дабы не блуждать в дебрях лингвистических терминов, двусмысленностей и определений, скажем просто: Философов был именно таким многосторонним беллетристом, обладавшим даром письма в различных стилях, о различных предметах. Ценность его, как человека литературы и культуры, вполне очевидна.

Несмотря на выдающуюся роль Философова в развитии литературно-художественных процессов в России, начиная с 1905 и вплоть до 1919 года, когда покинул родину, до сих пор не существует ни одного научного труда, посвященного его жизни и творчеству. Его мемуары и письма не были изданы ни разу. Политический радикализм, бурная антибольшевистская позиция, отличавшие Дмитрия Владимировича, конечно же, не уживались с советским литературным официозом, и это сделало его “персоной нон-грата” в СССР. В

дополнение к этому полному отрицанию его литературного существования на родине, Философов после отъезда из России был довольно быстро заслонен другими выдающимися фигурами и литературными деятелями из-за своей характерной привычки действовать на заднем плане, за кулисами главных событий. В письмах и дневниках Философов даже упоминает о том, что по той же самой причине, еще в России, он был оттеснен своим двоюродным братом Сергеем Дягилевым и Мережковскими.

Ему, казалось, было предназначено литературное призвание еще с юности. Его детство и отрочество были проникнуты атмосферой гуманизма и культуры. Вместе со своим кузеном (Сергеем Дягилевым) Дмитрий Владимирович основал "Мир искусства", первый российский журнал, всецело посвященный искусству, появление которого стало значительной вехой в эволюции русской культуры. Журнал этот ознаменовал начало "серебряного века" в художественном творчестве России.

После революции 1905 г. Философов продолжал свою литературную деятельность, находясь в то время в тесной связи с многочисленными модернистскими кругами. Взаимоотношения Философова с Д. Мережковским и З. Гиппиус, а также его участие в петербургском Религиозно-философском обществе определили конец первого этапа его литературной карьеры и его сотрудничества с С. Дягилевым. Критические очерки Дмитрия Владимировича раннего периода отражают, главным образом, его субъективные впечатления о различных событиях и деятелях того времени и посвящены в основном, злобе дня. В результате, работы эти во многих случаях теряли свою привлекательность, как только актуальность того или иного вопроса угасала и центр внимания общества смещался на новые противоречия, на новшества тогдашней эпохи. Темы, затронутые в этих критических изысканиях, блекли и тускнели на фоне вечно изменяющегося мира. Тем не менее, сегодня творчество Философова предоставляет нам уникальную возможность взглянуть краешком глаза на культурную жизнь России начала столетия и содержит в себе поучительный анализ взглядов и направлений того времени.

Вскоре после большевистской революции Философов вместе с Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус спасается бегством в Польшу, страну, где неожиданно обрываются последние сведения о Д. В. Философове. Тем не менее, как позже мне удалось выяснить, именно в Польше берет свое начало финальная и, вероятно, одна из самых интересных глав его жизни.

Архив Философова включает в себя воспоминания, неопубликованные статьи, фельетоны, дневники и фотографии, которые являются бесценнейшим источником знаний о многих, доселе неизвестных, сторонах до- и после-революционных периодов жизни и творчества Д. В. Философова, освещающая одну из самых пленительных эпох в истории русской литературы и искусства. Архивные находки дают представление о взглядах Философова на современников, религию и политику, воссоздают атмосферу и настроения того времени в промежутке между двумя войнами.

Зачастую значение Философова как литературного деятеля сводят к его дореволюционному творчеству. Архивные материалы доказывают, однако, что Дмитрий Философов вплоть до момента своей смерти в 1940 г. продолжал активно участвовать в литературной и культурной жизни, одновременно питая живой интерес к политике и даже к военному делу.

Анализ творчества Философова той поры показывает, что Дмитрий Владимирович встал на позицию активного политического сопротивления, посвящая себя делу духовного противостояния всему происходящему в тогдашней Советской России.

Хотя в России Философов был неразрывно связан с Мережковскими, участвуя во всех их многообразных предприятиях, в Польше он пришел к необходимости, ради своей карьеры в Варшаве, отказаться от своей былой роли в этом триумvirате, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Впервые в своей жизни он столкнулся с социальными и политическими проблемами, которые были абсолютно независимы от его артистического мира. В ответ на это Философов попытался играть роль социального подвижника, оставляя, таким образом, прежний имидж писателя-эстета. Эволюция

Дмитрия Владимировича от эстетики к этике объединяет некоторые из наиболее интересных архивных документов начала двадцатых годов, позволяет нам заполнить многие пробелы в истории русской литературы и задает тон последующему творчеству Философова. В целях развития этой темы я намереваюсь представить и обсудить материалы, касающиеся, во-первых, отношений Философова с Мережковскими, во-вторых, неопубликованных дневников самого Философова и, в-третьих, политической деятельности Дмитрия Владимировича. Эти материалы до сих пор не были изданы ни в одном издательстве мира и потому не известны широкому кругу научной общественности.

Философов с его оригинальным и живым языком был чрезвычайно плодовитым корреспондентом. Письма, сохраненные Философовым и его личным секретарем, свидетельствуют о том, что интеллектуальные отношения с Мережковскими продолжались и после разлуки с ними в октябре 1920 года. В нескольких письмах от Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского чувствуется глубокое огорчение из-за их эмоционального и интеллектуального отдаления.

Было бы излишним приводить детальный перечень новых биографических сведений, почерпнутых из писем, хранящихся в архиве Философова. Достаточно сказать, что отношение Философова к Мережковским и трансформация его взглядов и ценностей теперь значительно прояснились. Письма, которые бережно собирались и складывались Философовым между страниц одного из его дневников, являются сами по себе чрезвычайно трогательными и эмоционально насыщенными. Они проливают свет на позицию, интересы и поведение Мережковских в течение их первых, критических, лет во Франции. К тому же в этих письмах Философов предстает перед нами как живой человек — человек изменившийся, погруженный в глубину новых для него этических концепций, движимый идеалом социального служения и честностью. Эта переписка лучше всего объясняет решение Дмитрия Владимировича остаться в Польше с Борисом Савинковым, решение, которое обусловило его литературную и общественную деятельность в последующие десятилетия.

Под влиянием Савинкова Философов активно включился в формирование антибольшевистских организаций. Он отсек от

себя все, что не касалось политических или военных вопросов, и таким образом поставил под вопрос взаимоотношения с Мережковскими после семнадцати лет тесного сотрудничества. Осенью 1920 года, после поражения Красной Армии и решения Пилсудского заключить мир между Польшей и большевистской Россией, Мережковские покинули Варшаву 20 октября 1920 года, рассчитывая продолжать свою деятельность в менее враждебном окружении, а именно во Франции. К их удивлению, Filosofov остался вместе с Б. Савинковым.

В нижеследующем письме к Д. В. Filosofovу, посланном в ноябре 1921 г., вскоре после прибытия Мережковских во Францию, Зинаида Гиппиус критикует непонятное и немислимое для нее решение Filosofova поселиться в Варшаве. С одной стороны она испытывает гнев и досаду по отношению к Filosofovу, язвительно атакуя его. С другой стороны ее насмешки, в конечном итоге, переходят в уговоры, и она отчаянно пытается склонить Filosofova к переезду во Францию.

Как бы в дополнение к письму З. Гиппиус звучит письмо-ответ Мережковского Filosofovу от 11 февраля 1921 года. Мережковский порицает его, но в то же время говорит немало высоких слов о русском патриотизме Filosofova и его непреклонности в отношении большевистского насилия. Резкие перепады в суждениях друг о друге, наряду с практически необоримым желанием близости, владеющим всеми тремя, вероятно, и вносят особое очарование во взаимоотношения Мережковских и Filosofova и являются лейтмотивом в сохранившейся переписке между ними.

Filosofov прекрасно осознавал то изменение, которое произошло в его системе ценностей. В своих личных дневниках он пишет о происходящей в нем эволюции и о внутренних противоречиях, ставших еще более очевидными. Эти дневники представляют собой четыре рукописных книжки и охватывают периоды с июня 1920 по сентябрь 1923 г., с октября 1923 по февраль 1926 г. и с марта 1926 по май 1928 года. Последующие же записи велись нерегулярно и относятся к периоду вплоть до конца 1934 года. Дневники включают в себя памятки различного рода, списки, случайные мысли, цитаты и отчеты. Более всего в свете данной темы интересны

около двадцати аккуратно исписанных страниц, которые послужили началом чернового варианта сочинения, названного “Мой путь”. Как бы охватывая два прожитых десятилетия, Философов записывает свои многочисленные мысли и впечатления о трансформации системы ценностей в целом и об изменениях собственной личности.

В 1925 года, работая над своей исповедью, озаглавленной “Мой путь”, Философов переживал одну из самых критических фаз своей жизни. Необычно многоплановая личность писателя является сквозной темой, разворачивающейся на страницах этой статьи. С самого начала Философов высказывает мысль о том, что жизнь его должна быть рассмотрена в рамках двух различных периодов. Первый включает дореволюционную жизнь и творчество, второй начинается в Польше.

Вспоминая о времени, проведенном в составе группы “Мир искусства”, Философов отмечает:

Мои друзья, Бенуа и Нувель, и я были крепко связаны духом и атмосферой поэтической красоты. Мы не могли помыслить о том, чтобы как-то уйти, ускользнуть от этого все охватывающего веяния. Для нас творческое выражение и понимание прекрасного были высочайшими ориентирами в жизни. Художественное творчество было для нас ни чем иным, как способом погружения в иную, альтернативную действительность, далеко удаленную от банальности каждодневного существования.

Философов описывает затруднения, с которыми он сталкивается и, особенно, неприятие его собственной семьей такого “легкомысленного и бесплодного” типа литературной деятельности (особенно если принять во внимание, что мать Философова была одной из величайших общественных подвижниц конца прошлого столетия). Осмысляя свои прежние взгляды, Дмитрий Владимирович пишет о себе и о своих друзьях:

Мы пришли к заключению что все то, что мешает нам, должно быть избегнуто. Я, сам по себе, стал предметом насмешек и колкостей. Помню, ходили слухи, что я жизнью своей пожертвовал бы ради спасения одной картины...

Мы заместили объективность субъективностью, обыденное уникальным, грубость и необработанность языка и экспрессии изы-

сканными и утонченными манерами письма. В конечном итоге, равенству мы предпочли индивидуализм и создали культ личного переживания.

Тем не менее, позднее, в биографических сочинениях, написанных в Варшаве, Filosofov подвергает некоторой критике свою юношескую привязанность к чистой эстетике. Он пишет:

Теперь я чувствую, что не будучи введенными в заблуждения, нам попросту не доставало полного осознания нашего предназначения, воспринимая искусство как простую декорацию, как некое высшее мировоззрение, как убежище от мира сего. Я не ощущал необходимости в примирении художественных идеалов с действительностью, в объединении мысли и поступка. Бесконечно говорил я о прекрасном, о форме и стиле с Блоком и Сергеем Дягилевым. Помню, как-то задался я вопросом: почему общество не должно иметь форму? Почему ценности поэтические не могут быть приложены к современной жизни? Иногда я и сейчас размышляю об этом.

На последних страницах своего сочинения “Мой путь” Filosofov развивает идею эволюции в своем восприятии назначения литературы:

Подобные вопросы вполне естественно привели меня к совершенно отличному пониманию того, какую роль должна играть литература в современном обществе [Архив Д. В. Filosofova, “Мой путь”, неизданное сочинение].

Среди своих коллег Filosofov во многом считал себя отступником, из-за своих воззрений на миссию русской литературы. В двадцатые годы он постоянно отрицал то, что он называл самолюбием, самоуглубленностью и разрозненностью эмигрантских писателей. В неизданной лекции, которую он прочитал в Варшаве на вечере, посвященном русской литературе, он делает недвусмысленное заявление: “Я не эстет. Моя исключительность состоит в моем радикализме, радикализме мысли и дела”. В конце этого признания Filosofov констатирует, что писатели должны отрешиться от привычки рассматривать литературу как нечто бесцельное и потому оторванное от жизни. Наоборот, они должны стремиться к развитию социальной совести. Они должны работать, дабы найти точку приложения для своего таланта в этом мире. Он

обращается к своим соратникам — писателям-эмигрантам и подчеркивает их уникальные возможности с одной стороны и их ответственность с другой. Достаточно процитировать следующий отрывок, чтобы пояснить примером силу языка и убеждений Философова. Это отрывок о необходимости выбора определенной позиции для человека литературы в современных эмигрантских условиях:

Прошел медовой месяц революционной влюбленности, начались прозаические будни государственности, притом плохо оборудованной, бледной, некультурной, неряшливой, вороватой, злобной, голодной и грязной. Случилось, что мир выдал нам беллетристам бессрочный отпуск. И мы не обязаны тянуть нудную лямку гражданских повинностей. Ежедневно с портфелями в руках озабочено спешить в душное учреждение с забрызганными не то кровью, не то чернилами стенами, с запыленными выборными урнами и историческими залами заседаний, которое зовется политикой нынешнего дня... Жизнь, освободив нас от ответственности повседневной, наделила зато ответственностью исторической. Может быть потому так мало и трудно говорят писатели эмигранты. Быть свободным — нет ничего труднее этого. Все видеть и иметь право все высказать — нет ничего ответственного. Вот где наша основная, главная тема и в чем наше если не посланничество, то во всяком случае наш долг. Об этом то мы должны говорить, пока не выговорим все до конца, не поймем всего, что нам нужно понять, до конца. Это и будет истинным использованием урока, который нам так щедро и мудро дает наша историческая судьба [Архив Д. В. Философова, "Писатели-эмигранты", неизданная лекция, прочитанная в Варшаве в Русском Доме на вечере русской литературы в Польше, 16 марта 1925 г.].

Конечно же, эти слова были обусловлены многолетним сотрудничеством с Пилсудским и организациями, жидившимися на чисто политических принципах.

В 1920 г. Польша и Россия находились в состоянии войны. Польские партизанские формирования вели яростную подрывную деятельность в тылу у большевиков. Вскоре после прибытия Философова в Варшаву в феврале 1920 г. два человека оказали сильнейшее влияние на его решение остаться в Польше — Борис Савинков, бывший военный министр в правительстве Керенского, и Сидней Рейли, разведчик Британской службы безопасности. Савинков прибыл в Варшаву в январе

1920 г. из Парижа для установления отношений с тогдашней главой польского государства — маршалом Пилсудским. Они подписали договор о независимости, в соответствии с которым Пилсудский дал согласие на формирование русской армии на территории Польши, а Савинков обещал действовать в рамках польской внешней политики. Управление новой русской армией должно было быть вверено в руки только что организованного Русского Политического Комитета (РПК). Савинков и Рейли делали большую ставку на Filosofova в надежде разбудить так называемую “третью силу” в России и создать демократическое федеративное государство в пределах бывшей империи. Савинков даже думал о будущем правительстве, которое возглавит страну после разгрома большевиков. В кабинете министров Савинков был бы премьером, а Filosofovu выделялся пост министра культуры и пропаганды. Видя, что Савинков и Рейли в тот момент являлись лучшими потенциальными вождями контрреволюции, Filosofov становится горячим сторонником и распространителем дела Возрождения России среди эмигрантской среды в Варшаве. Активно включившись в организационную работу, Filosofov становится президентом Русского Политического Комитета и, позже, вице-президентом Савинкова в так называемом Эвакуационном Комитете, ведавшем русской пехотой и кавалерией, основанным под защитой Пилсудского и финансировавшемся главным образом польским правительством.

Часто Савинков выезжал за пределы Польши, оставляя дела управления РПК всецело на плечах Дмитрия Владимировича. Савинков, Рейли и Filosofov вели очень откровенную переписку. Письма их, как правило, отличаются особой теплотой. Они написаны в своего рода спонтанном стиле, полны восхищения и доверия друг к другу. В письмах Савинкова и Рейли бросаются в глаза описательные характеристики Filosofova, где воздается хвала его самоотверженности, искренности, мужеству и душевности.

Летом 1921 года Савинков, Рейли и Filosofov провели секретный антибольшевистской конгресс в Варшаве, который собрал вместе делегатов белого движения со всей Европы. Сам факт проведения подобного мероприятия явился феноменальным успехом в координации подпольной борьбы против

большевиков. Однако финансовые проблемы приобрели настолько острый характер, что Рейли вынужден был покинуть конгресс до его завершения и уехать в Прагу в попытке собрать необходимые средства.

Антибольшевистский конгресс в Варшаве стал кульминационной точкой в работе Русского Политического Комитета в Польше. Вскоре после этого польское правительство дало понять, что дальнейшая деятельность антибольшевистской организации типа РПК более невозможна. Советское правительство обвинило Польшу в нарушении мирной договоренности, подписанной 18 марта 1921 г. Одним из главных аргументов в этом заявлении был факт оказания Польшей поддержки антисоветской деятельности Савинкова. События эти ни в коей мере не пресекли попыток Философова и Савинкова сбросить большевистское правительство. Раз за разом Савинков пересекал русско-польскую границу с целью организации антибольшевистских восстаний и мятежей, в то время как Философов пребывал в Варшаве, являясь личным советником Пилсудского по советским вопросам. Из всех троих (Рейли, Савинкова и Философова) выжил только Философов. Обстоятельства возвращения Савинкова в Россию до сих пор остаются неразгаданными. Хотя личные записи Философова отражают чрезвычайный скептицизм и сомнения Дмитрия Владимировича относительно организации, известной под названием "Трест", Савинков и Рейли проявили к ней большую заинтересованность и доверие. Официально "Трест" являлся антибольшевистским движением, зародившимся и набиравшим силу в глубине России. Философов верил, что "Трест" был ничем иным, как способом внедрения советских разведывательных служб в эмигрантские организации с целью их уничтожения или, по крайней мере, контроля над их деятельностью. Савинков и Рейли не разделяли подобной точки зрения. В августе 1924 года Савинков выезжает в Россию для проведения серии встреч с представителями "Треста" и, по сообщениям, совершает самоубийство в Москве в 1925 году. Рейли также возвращается в Россию в сентябре 1925 года, все еще надеясь встретить лидеров "Треста". Вскоре после прибытия в Москву он гибнет.

Со смертью Савинкова и Рейли дело, которому Философов всецело посвятил пять лет своей жизни, внезапно потеряло

смысл и значение. Философов ощутил, что он не способен оказать какое-либо влияние на ход событий вокруг него. Он впал в глубокую депрессию. В публикуемом ниже черновике письма к Зинаиде Гиппиус, которое так и не было отправлено, он пишет о своем душевном состоянии.

Без осознания всей глубины трансформации взглядов Философова в начале двадцатых годов невозможно правильно понять ход его последующей карьеры. Судя по его дневникам, Философов становится писателем и мыслителем совершенно иного плана. После 1925 г. он продолжает проповедовать необходимость сближения жизни и искусства и призывает писателей содействовать развитию гуманизма и демократии. В то же время он неустанно ведет борьбу против большевистской власти. В Польше Философов привлек к себе восхищенное внимание польской интеллигенции, которая признала его выдающуюся роль в интеллектуальной жизни Варшавы в период между двумя войнами.

В неизданном письме к Юзефу Чапскому от 1930 г. Философов выражает мысли о своей карьере, перекликающиеся с определением писателя-беллетриста:

...Как самые близкие друзья часто говорили, я всегда писал немного, уходя с беллетристической дороги на разные запутанные проселки и иные тропинки. Никак не могу перешагнуть из Варшавы в Париж, от этики обратно к эстетике. И теперь все еще разрываюсь между разными влечениями. Стараюсь погрузиться в свое, а зовет многое, многое чужое [Архив Д. В. Философова, Письмо к Юзефу Чапскому, 18 апреля 1930 г.].

Именно эта многосторонность и многоплановость позволили Философову внести ценнейший вклад как в русскую, так и в польскую культуры.

Подборка писем между Д. Философовым и его различными корреспондентами (Б. Савинковым, Д. Мережковским и З. Гиппиус) охватывает период начала 20-ых годов, с ранней осени 1920 г., когда Мережковские начали ощущать бесполезность своего дальнейшего пребывания в Польше и стали готовиться к тому, чтобы покинуть Варшаву, до момента, когда Философов фактически стал "отцом" русской колонии эми-

грантов в Польше и работал в тесном контакте с Савинковым и польским правительством. Эти письма, которые составляют лишь малую часть архива Философова, относящегося к данному периоду, важны в силу нескольких причин. Кроме дополнительного биографического материала, касающегося Мережковских, они выявляют, в перспективе истории литературы, продолжавшиеся литературные взаимоотношения между Философовым и его бывшими партнерами, которые обменивались мнениями, критикой и предложениями. Эти письма дают представление об обстановке в русских литературных кругах за рубежом и свидетельствуют о любопытнейшей истории сотрудничества российских интеллектуалов с польским правительством во время русско-польского конфликта. Кроме того, эти очень личные письма проникнуты духом эпохи. Они окрашены чувствами отчаяния, надежды и ностальгии. В контексте биографии Философова, эти немногие письма проливают свет на его решение остаться в Варшаве и разорвать пространственно, если не духовно, узы дружбы, которая продолжалась в течение почти двадцати лет.

1. Письмо Б. Савинкова к Д. В. Философову

28 сентября (1920)

Дмитрий,

сегодня я просил за тебя у Пилсудского. Не осталось уже никаких сомнений, что через несколько недель или даже раньше все члены и сочувствующие нашим организациям будут изгнаны из Польши, и — если на это будет нужда — то и насильно. Я подал прошение правительству о пожаловании тебе необходимого для пребывания в Польше статуса. Пилсудский самолично предложил, что он удержит тебя под видом его личного советника по русско-украинскому вопросу.

Я очень хорошо знаю, что на тебя сейчас давят как те, кто хотел бы, чтобы ты остался в Варшаве, так и те, кто хотел бы составить тебе компанию до Парижа. Не позволяй за-гипнотизировать себя твоим поэтическим друзьям. Половина русских уже там — наивно декламируют поэзию 19 века..., да

и русские поэты там теперь такое обычное дело, как дерьмо на обочине. Здесь ты хоть останешься независимым и действующим. Там — я боюсь, твои слабые стороны одержат верх. Ты необходим здесь для нас всех в Варшаве и глубоко верю, что Пилсудский поспособствует как-нибудь в нашей борьбе. У меня нет ни малейшего сомнения, что ты перерос и твоего кузена и твоих мистических друзей, чьи собственные философии более дороги, чем твоя судьба. Кроме тебя я никому более не могу верить.

Пока принимай все переводы от Медзинского,¹ который сразу же согласился на пять миллионов. Со дня на день ожидаются дополнительные переводы из Парижа.

Соответственно моим переговорам с Пилсудским и с Медзинским особое разрешение можно благополучно предложить департаменту пропаганды — писатели не солдаты — но всех остальных, кто был финансируван Военным Министерством попросят вон, нравится ли это или нет.

Я призываю тебя вообразить все последствия твоего отъезда для нас. Твой выбор — либо раствориться в парижском муравейнике грызущихся между собой поэтов и *beau monde* иже писателей, либо продолжать твою работу здесь. Твои сотрудники уже все на местах и перечень распределений, я думаю, приятно удивит тебя. Не считай это моим последним словом по этому вопросу.

Я уже давно потерял всякую связь с Рейли. Если не через него, так уже свяжись со мной через Вендзягольского² или Медзинского.

Душевно твой, Борис

¹ Богуслав Медзинский был преданным сотрудником Пилсудского. В двадцатые годы Медзинский заведовал политическим отделом Военного Министерства и был ответственным за деятельность русских организаций в Польше. С 1922 по 1938 года Медзинский служил в сейме. В своих дневниках Философов часто упоминает Медзинского как друга и сотрудника.

² Кароль Вендзягольский был доверенным соратником Б. Савинкова и *aide-de-camp* Пилсудского. Он часто служил представителем польского правительства в отношениях с русскими организациями в Польше.

2. ПИСЬМА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО К Д. В. ФИЛОСОФОВУ

8 ноября 1920

Висбаден

Дмитрий дорогой —

Мы только что закончили наш поздний ужин, который я ел без аппетита. Сильно страдаю от Зины, чей характер становится все невыносимее и невыносимее. Простите за такое плохое перо и эту ужасную бумагу. Я почувствовал себя плохо этой ночью и к тому же я измучен ночными кошмарами. То, что я говорю, может быть болезненно для вас, но это безусловно хорошо, если бы вы знали о моих мыслях и думах, о многих вещах. Мой разум отрицает весь теперешний порядок в обществе, признанные в Варшаве добродетели и политические доктрины, которые нам приходится глотать. Как это может быть нашим домом? Наша жизнь в Польше не больше чем неблагоприятный героизм, склонность к которому, я боюсь, вы могли унаследовать.

Один из моих снов повторился опять — мне снилась кончина моей матушки. Она лежит в гробу в Варшаве, ее лицо бледное и искаженное болезнью. Я понял, что смотрю на лицо нашей общей жертвы. Объявились бесчисленные братья, сестры и кузены. Все они ничего для меня не значили и лишь один из моих братьев смог понять мое отчаянное положение. Это Вы, Дмитрий, единственный мой брат.

Три недели назад мы уехали, душой ненавидя наше окружение. Скитальцы. Я начал чувствовать себя бродячим актером, кто не в состоянии больше играть свою роль, болтает с министрами, дворянами. Помнится наша последняя прогулка. Парк был полон жизни и я прочел Вам пару строк из тех, что вы написали для нас когда-то “Есть те, которые идут по жизни парами, есть те, кто путешествуют сквозь жизнь втроем. Это люди, отдыхающие в месте, для них ярко освещенном. Жизнь ждет их смелого и дерзкого вторжения...”. Но понимаете, жизнь для нас стала бременем, а жертвенность всеподавляющей.

В душе моей молю Бога, что неправы Вы. Работа наша в Варшаве была таинством и жертвоприношением, наполняющим меня благоговением. Жертвой, которая привела меня в со-

стояние печали и полного развала. Печали, потому что в вас я распознал мощь и энергию, и нежелание идти на компромисс. Развала — оттого что я осознал всю мою несостоятельность в свете ваших грандиозных устремлений.

Я не написал и четверти того, что намеревался. Писательский труд — поистине адский труд. Сердце мое трепещет будто птичка в буре.

Ваш Дмитрий С.

11 февраля 1921

Дима, друг мой хороший. Как я жалею, что не могу поколебать вашего решения, и более того, кажется, что у вас складывается все более враждебное отношение именно к тем людям, которые, более чем кто-либо другой, чувствуют такую любовь и уважение к вам, и с которыми вы провели немалую часть вашей жизни.

По моему убеждению, самая неприятная сторона во всей этой печальной истории заключается в том, что судьба Б. С.¹ стала воплощением злой фортуны, без чего наша личная трагедия имела бы, наверное, совсем другой конец.

Молюсь на то, что духовно вы еще с нами. Позвольте сказать вам, что ваша героическая и самоотверженная борьба за свободу России вызывает во мне глубокое уважение. Нам нужно попытаться отрешиться от мыслей и сосредоточиться на чувствах, чтоб преодолеть наши разногласия, ибо я чувствую, что раздумья уводят нас далеко друг от друга. И все же, несмотря на географическую удаленность, существует нерушимая связь, соединяющая нас, и существует некая область наших душ, сокрытая и невыразимая, которая и делает нас близкими друзьями.

Обнимаю вас,
Дмитрий С.

¹ Борис Савинков. Мнения Мережковских о Савинкове разделились. Зинаида Гиппиус ненавидела его по многим причинам, Мережковский же считал его хотя и анархистом, лишенным духовности, но воплощением политического подвижничества.

1 V 1922

Дмитрий Владимирович, милый друг,

Прошло много времени с тех пор, как я слышал о вас. Так, пару слов от Антона Владимировича.¹ Вы, по всей видимости, замкнулись сам в себе, как заурядный эмигрант. Но, как правило, такие периоды одиночества полезны для вас, так как часто они приносят непредвиденные плоды. Позвольте мне прервать ваше уединение и поблагодарить вас за безотлагательный ответ. Ваше предложение о воззвании к Папе Римскому кажется очень уместным жестом. Посылаю вам копию окончательного варианта, чтобы напечатать в Свободе. В отношении печатания, попрошу вас не выпускать это до 14 мая. У меня есть особые основательные причины, и я бы хотел воспользоваться некоторым промежутком времени, чтобы написать еще пару статей на эту тему.

Не затруднило бы вас найти и выслать мне материалы для моих польских лекций, которые я оставил у вас в шкафу (особенно Мицкевич и Красинский)? Как изумительно точно вы предсказали мое возвращение в Польшу душой, если уж не телом. Я очень занят романом об Египте, а кроме того, накапливаю силы и вдохновение для работы о Польше, о политических и религиозных вопросах, которые меня очень интересуют. Эта работа коснется отдаленных сфер религии, как это понимается церковью. Тема работы — Христианство. Христианство — это не логичный элемент, который можно использовать для построения общества по чьему-то желанию, преобразая это в кирпичи или камни, чтобы подпереть истощенное лицо нации, воскрешая национальный дух. Это нельзя извять или оскопить по желанию смертных, кто видит практическое использование церкви. Христианство — как революция, которая действует за рамками разумного и рационального, это бродит, строится под давлением, вызывает неконтролируемые изменения в нашей жизни и в наших земных идеях, потому что это чуждо нашим примитивным политическим представлениям. Попробуй, если можешь, искоренить Христианство, как это пытаются делать большевики, или обуздать — как хочет сделать Пилсудский, и то и другое будет безуспешным, потому что Христианство сильнее всего. Анти-духовное заражение и духовное противостояние

будут бродить еще десятилетия, чтобы выплеснуться наружу. Эта реакция будет иметь обширные последствия. Мы наблюдаем только начало — не мир пришел я принести, но меч, и враги человека домашние его.

Несколько раз мы навещали Бунина. Вчера даже вся деревня была там. И. А.² нас встретил очень сердечно, хотя разговор незамедлительно пошел на предмет “нашей польской эры”, как он выразился. Я изумлен его бесчувственной непрозорливости. Он настолько пренебрегает мыслью о каком-либо серьезном усилии, которое предпринимается нами в Варшаве, что все, на что он способен, это надсмехаться над нами по этому поводу. Его речь была нескончаемым потоком глупостей, которых не могли прервать ни возражения, ни вопросы. Любое другое мнение, кроме его собственного, является безоправдательным. Надежда Александровна³ была там, пораженная этим спектаклем. Она вышет вам еще пару рассказов для Свободы.

Часто теперь я предпочитаю быть среди французов. Мы встретили А. Gide, кто редко бывает в наших краях, но мы слышим и знаем о нем через друзей. У меня есть его *Morceaux choisis* для вас и также *Caves du Vatican*, которые, конечно же, не будут приветствоваться в Польше, но которые посылаю вам как они есть. Как видите, это письмо обо мне. Вам следовало бы подражать мне и посылать некоторые детали ваших планов. Мы уезжаем из Парижа в конце мая, я думаю. Должны ли мы отбросить все надежды на встречу с вами этим летом?

Обнимаю вас сердечно,

Дмитрий С.

¹ Антон Владимирович Карташев (1875-1961) был министром по делам религии во Временном правительстве. И в России и в эмиграции он был близким другом и сотрудником Filosofova.

² Иван Алексеевич (Бунин).

³ Надежда Александровна Тэффи (1876-1952) писала юмористические рассказы, которые напоминали Filosofovu рассказы раннего Чехова. Filosofov часто печатал их в своей газете.

3. ПИСЬМО Д. В. ФИЛОСОВОВА К Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ

17 мая 1922 г.

Милый друг, Дмитрий Сергеевич:

Большое спасибо за ваше письмо. Возобновление нашей работы обрадовало меня. Я постоянно напоминаю себе, когда слышу или читаю о вас — благоприятные обстоятельства вашей судьбы и рост вашей репутации в Париже — это все необходимо для вашей внутренней свободы и дает вам возможности писать.

Моя переписка выросла чудовищно как следствие моей работы в комитете¹ и отъезда моих друзей и соратников. Поэтому вам придется смириться с моим молчанием, а также с периодами моего тяжелого настроения.

Я не держу зуба ни на вас, ни на Зину за ваш отъезд и искренно сожалею о наших трудностях. Все-таки Зинины слова “последнее великое арьергардное сражение романтически одержимых” особенно огорчили и меня и наших поляков. Это очевидно, что ее любовь к вам и ее собственное самолюбие, а также ненависть к Борису побудили Зину написать такие “стихи”. Но давайте не будем об этом.

Ваша польская работа не выходит из моей головы с тех пор, как вы написали мне о вашем намерении. Я разговаривал об этом с Ю. Чапским² (который все еще считает вас “пророком среди нас”), и я совершенно согласен с ним, что ваше творчество простирается гораздо дальше, чем “обывательское мировоззрение передовой современности...”. Поверите ли вы, что никогда еще не читал ваших заметок о Мицкевиче? Читаю их сейчас — начал с недоверием, продолжил с восхищением и теперь знаю, что закончу с энтузиазмом. Чапский читал их со мной — он очень проникательный, оригинальный и, к тому же, одаренный критик. Я имел возможность оценить его другие таланты, качества, и вижу в нем огромный потенциал для творческого лидера его поколения.

Не хотели бы ли вы начать работу над вашей польской темой в рамках многосерийного издания для Свободы. Это стоит того. Знаете, как люди будут говорить об этом *sans cesse*...

Жму вашу руку со всем моим расположением к вам, Дима.

¹ Filosofov был заведующим Русским Эвакуационным Комитетом (позже Русский Комитет) в Варшаве, а кроме того работал для разных зарубежных русских организаций.

² Юзеф Чапский (1896-1992) познакомился с Filosofovym и с Мережковскими в Петербурге до революции. В Варшаве Filosofov и Чапский часто встречались и работали вместе после 1920 г. Судя по корреспонденции, очевидно, что Filosofov считал Чапского талантливым художником и критиком, а прежде всего истинным другом. В Париже Чапский стал редактором польского журнала *Kultura*.

4. ПИСЬМА ОТ З. ГИППИУС К Д. В. ФИЛОСОФОВУ

15 января 1922¹

Дима!

Какой бардак!! Горемычная, смехотворная, бестолковая и смущающая кутерьма! Я ушам своим не верила, когда Володя рассказал мне, что ты был здесь. Разумеется, ты был полон раскаяния и сожаления, но ни письма, ни слова о продолжительности твоего пребывания, которое в конце концов можно было бы продлить. Словом, совершенно бестолковая история. Только подумать — ты приехал в Париж “обсудить дело”, и что теперь?! Я взбешена, разочарована и укоряю и тебя и себя. Уже не меньше чем пять человек сообщили мне, что ты еще здесь. Может быть, мне положено узнать об этом только через злобные, мелочные сплетни, или было бы легче найти тебя где-нибудь на ночных переулках?

Ради Бога, не пришли мне встречные обвинения. Это бестактно и даже оскорбительно. Никогда раньше меня так не вынуждали подвергать сомнению самую себя да и наше прошлое, как в эти прошедшие дни. Знаю, что тебе понадобится время, чтобы залечить свои раны. Отпиши мне, когда ты вновь овладеешь самообладанием и ясностью ума. Зина.

¹ В начале января Filosofov поехал в Париж и провел там несколько недель. Хотя Мережковские ожидали, что Filosofov будет гостить у них в квартире, Дмитрий Владимирович жил в гостинице.

Октябрь 1920

Дима:

Ты, как всегда, почти неуловим и пропадаешь бесследно — именно тогда, когда ты больше всего нужен, и не только мне, но и Д. С. Получили письмо мое в Париже? Наконец мы решились оставить тех, кто оставил нас. Едешь ли ты с нами? Умоляю тебя ответить “да”. Я спросила пана Владислава, куда ты уехал. Он мне сказал “к Пилсудскому”, однако обещал передать тебе это письмо с первой оказией.

Понимаю, конечно, что твое молчание нужно отнести ни к чему иному, как к суете Варшавской и к многочисленности твоих интересов. Но ты видишь, конечно, что происходит вокруг тебя. Все минуло, и мир, кажется, узок. Д. С. жаждет шири, а если останемся здесь, то будет как зверь в клетке метаться. Боюсь даже писать об этом. Боюсь выразиться каким-то сокращенным, условным языком. Лучше бы оставить все до встречи с тобой.

Мой дорогой друг — наша польская жизнь так сложна и запутана. Никакие теории — ни твои, ни Савинковские не обоймут ее. Не помогут ни обещания Пилсудского, ни реформы, ни благие намерения. Поляки перестали слушать нас. Приняли благодарность и мирволили, как Володя говорит. И когда я пишу “наша польская жизнь”, подразумеваю не только Варшавский период, но и нашу жизнь здесь во всех отношениях, наше знакомство с поляками, взгляды и отношения этих людей к нам. Теперь наши мысли вызывают насмешки, глумление, или вежливую пренебрежительность. Какое лицемерие!

Месяцы минули. Такие мелкие работы, неурядица с корректурами, но тогда все насыщало душу надеждой и гордостью. Неужели ты не видишь этого? Сегодня Д. С. сказал, что здесь наши убеждения — просто притворство. Мы больше не можем быть источником правды, и никакая гордость не может проистекать от того, что пишем здесь. Уже резко и откровенно выдвигается намерение государственной власти задавить нас. Видел ли ты ту статью в М. Н.¹ Упоминаются и Свобода, и ты в числе многих других. К чему все сие? Газеты грубо и прямо наплевали на новую Россию. Испытываю

чувство ненависти и отвращения. Все маски уже сорваны, и наши старые друзья внушают омерзение.

Не думай, что хочу тебя поучать. Извини, если мои слова дают такое впечатление. Ужасно хочется сохранить в тебе человека, с которым могу искренно обо всем говорить. Прошу тебя не отшатнуться от нас. Сообщи о себе поскорее.

Зина

¹ Польская газета "Mysl niepodlegla" напечатала очень критическую статью о русских организациях в Варшаве 25 сентября 1920 г..

28 ноября 1928

Дима:

Пропущу объяснение в любви. Сожалею, что тебя нет с нами. Володя сказал нам, что ты здесь в Париже и, кажется, ты не принял наше приглашение и приглашение от Зинаиды Владимировны. То, чего я больше всего боялась, стало реальностью. Ты перестал быть собой.

Полночь. Разум уводит меня в печальные страны. Пытаюсь взглянуть на мою жизнь глазами постороннего человека. Странное чувство овладевает мной. Мне думается, что какая-то часть нашей общей души просто умерла.

Восторг первых недель во Франции прошел. Один день похож на другой. Ничего существенного не пишу. Не могу думать, а когда начну думать — снова общая пустота. Без тебя наступил какой-то вакуум эмигрантской жизни.

Перейду к тому, что тебе наиболее интересно: к разложению русских дел. Прежде всего, ни один из моих знакомых в местных военных политических организациях не верит, что Б. С. и ты правы, и никто не поддержит ваших усилий. Некоторые — как и я — верят, что в эту борьбу вмешиваются страсти Б. С. и игра личного самолюбия, что упущилась из виду разумная и достойная цель борьбы. Скажу более того, что борьба потеряла свой благородный смысл, и это стало поводом к раздражению и причиной разъединения между нами.

Дима, есть времена, когда жертвы бесполезны. Пойми, что тебе грозит смерть больше теперь, чем пять месяцев назад.

Тебе надо беречь себя. Время твоего личного почина в Польше минуло. Есть большой грех в твоём поведении, судить дело по внешним результатам, делать дело только для воображаемого блага, забывая о нашей цели, о нас, о самоусовершенствовании. Вспоминаю, как время великих надежд, новых людей, планов будоражило воображение, но теперь — только недомыслие, мизерность и ничтожность.

Что делать — этот неотвязный вопрос мучает меня. Куда мы годимся, и где наше дело, и кому оно нужно? Эмиграция с ее дрызгами, ее партийным бормотанием превратилась в самоцель. Д. С. знает, что надо забыть о Варшаве, прежде всего не отрываться от жизни, а войти в нее в Париже. Молю тебя приехать и повидать нас при первой же возможности.

Зина

Апрель 1921

Весна входит в свои права. На свете существует Париж, а ты еще сидишь в Варшаве. Я не призываю тебя, я чувствую, что ты никак не можешь приехать. Читала твою последнюю статью “Единый фронт” и от критики твоих высказываний и действий удержаться не могу. Разве, оглядываясь на то, что происходит в Англии, Франции, на Рижский мир, могут ли твои действия называться “действиями”? Это бездействие! Твоя преданность Б. С. просто непонятна.

Я читала, нет, скорее анализировала твои статьи, — ведь я стараюсь понять твое состояние ума, а не факты, о которых ты пишешь, и до какой степени ты под влиянием Б. С., остался ли ты собой? Я прочла твою статью, затем Б. С.-скую “Об одной статье”, и вот вы политически думаете и пишете одинаково.

Когда мы перешли границу в Польшу, я была уверена, что мы все шли той же самой дорогой. Я была неправа. С тобой произошла метаморфоза. Теперь нам стало ясно, что твоя дорога вилась и уводила тебя из вечной сферы эстетики к сфере этики. Теперь, кажется мне, что с самых первых недель ты принял определенную позицию, которую защищаешь до сих пор. Открой же наконец глаза. Твоя полонофилия и любовь к Савинкову ослепили тебя совершенно, так что ты уже не можешь заметить собственного бездействия. Неужели ты намереваешься стать первым русским мучеником для

Польши? Савинков окружен людьми второго сорта, а он сам плетет свою бесконечную паутину, да хоть бы еще одна муха в нее попала, как сам ты писал где-то в другом месте. Пони-маешь ли ты теперь, что Польша руководится собственными интересами и что всякие планы вести войну дальше будут к вящему ущербу и поношению твоей души и тела.

Вот уже и лето близко. Думаешь ли ты приехать к нам? Твоя сестра убеждена, что ты приедешь. А для меня и Д. С. это не просто праздное любопытство. Я знаю, что нам лучше будет работаться вместе.

Не могу остаться равнодушной, видя, что многие мысли и мнения, которые выражаешь, не твои. Ты просто следуешь чьим-то другим идеям. Всем своим существом чувствую, что есть еще многое, в чем мы согласны с тобой. Чувствую это и сознаю. В голове моей и в сердце остается пустая комната, всегда готовая к твоему приезду.

Твоя Зина

5. письмо Д. В. Философова к З. Гиппиус

30 X 1925

Дорогая Зина —

Так трудно писать письмо, когда каждый день ожидаю пришествие антихриста. Мысли путаются и теряются в загадках и догадках. Когда и чем это кончится? Такое безделье! Помню наши старые стихи и теперь повторяю тебе:

Прости моя милая, славная,
Прости моя нежная, страстная.
Быть может уже не увидимся,
Быть может уже не простимся.
За дверь старуха стоит.
И в дверь мне косою стучит—
Кричит мне, зовет в путь-дорогу.
И я ей сдаюсь понемногу.

Что творилось вокруг Бориса похоже просто на торжествующую грязь, столько наглости и лицемерия. Смысл борьбы, где он? Стремление ради стремления без надежды. Остается бунтовать, да пить чай с абрикосовым вареньем...

(Письмо неокончено)

